

Лидия Стародубцева*доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой медиакоммуникаций социологического факультета Харьковского национального университета имени В. Н. Каразина***Lydia Starodubtseva***Doctor of Philosophy, Full Professor, Head of Department of Media Communications, V.N. Karazin Kharkiv National University*

ПАНОПТИКОН, «ПРОЗРАЧНОЕ ОБЩЕСТВО» И НОВЫЕ МЕДИА

В статье представлен опыт интерпретации концепта Дж. Ваттимо «прозрачное общество» (*la societ trasparente*); проанализирована взаимосвязь данного концепта с введенной И. Бентамом и получившей распространение благодаря трудам М. Фуко оптической метафорой «паноптикон» и новыми медиа. Подчеркнуто, что ключевая проблема статьи очерчена вопросом, являются ли новые медиатехнологии инструментом построения «прозрачного общества» или, напротив, исполняют роль тормоза в саморазвертывании этого процесса. Акцентируется внимание на таких феноменах, как производство медиаэффекта присутствия, технологии создания медиафантомов, медиафейков и медиаманипуляций, мультимедиа и гипертекст, «Мемекс» или искусственная «машина памяти», дереализация реальности, цифровой вуайеризм, фактчекинг и процедуры верификации медиамеседжей и др. «Дигитальный паноптизм» эпохи новых медиа рассмотрен в оптике параллакса: и как катализатор перехода к «прозрачному обществу», и как препятствие для этого перехода. Сформулирован вывод о том, что вселенский «паноптикон» как недостижимый идеал «прозрачного общества» обречен оставаться утопией.

Ключевые слова: прозрачное общество, социальный паноптикон, новые медиа, технологии медиаманипуляции, медиаэффекты, мемекс, цифровой вуайеризм.

У статті представлено досвід інтерпретації концепту Дж. Ваттімо «прозоре суспільство» (*la società trasparente*); проаналізовано взаємозв'язок цього концепту з введеною Дж. Бентамом і поширеною завдяки працям М. Фуко оптичною метафорою «паноптикон», та новими медіа. Підкреслено, що ключова проблема статті окреслена питанням, чи є нові медіатехнології інструментом побудови «прозорого суспільства» або, навпаки, вони виконують роль гальма в саморозгортанні цього процесу. Акцентована увага на таких феноменах, як виробництво медіаефекту присутності, технології створення медіафантомів, медіафейків і медіаманіпуляцій, мультимедіа та гіпертекст, «Мемекс» або штучна «машина пам'яті», дереалізація реальності, цифровий вуайєризм, фактчекінг і процедури верифікації медіамеседжів тощо. «Дигітальний паноптизм» епохи нових медіа розглянуто в оптиці паралаксу: і як каталізатор переходу до «прозорого суспільства» і як перешкода для цього переходу. Сформульовано висновок про те, що вселенський «паноптикон» як недосяжний ідеал «прозорого суспільства» приречений залишатися утопією.

Ключові слова: прозоре суспільство, соціальний паноптикон, нові медіа, технології медиаманіпуляції, медіаефекти, мемекс, цифровий вуайєризм.

The article presents the experience of interpreting the concept of J. Vattimo «Transparent Society» (*La Società Trasparente*) in the context of the search for the answer to the question: how is the optical metaphor of the «Panopticon», introduced by J. Bentham and disseminated thanks to the works of M. Foucault, the concept of «Transparent Society» and New Media. The key problem of the article is outlined by the question whether New Media Technologies are an instrument for building the «Transparent Society» or, conversely, they act as a brake in the self-deployment of this process. Among the analyzed phenomena are «Production of the Media

Effect of Presence», technologies for creating Media Phantoms, Media Fakes and Media Manipulations, Multimedia and Hypertext as the two main discoveries of the Information Era, «Memex» as an artificial «Memory Machine», «Derealization of Reality», Digital Voyeurism, fact checking and verification procedures of Media Messages in the Post-Gutenberg Era. «Digital Panopticism» of the New Media Era is seen in parallax optics: both as a catalyst for the transition to the «Transparent Society» and, on the contrary, as an obstacle to this transition. The result of the study is the assertion that the universal «Panopticon» as an unattainable ideal of the «Transparent Society» is doomed to remain a utopia.

Keywords: Transparent Society, Social Panopticon, New Media, Media Manipulation Technologies, Media Effects, Memex, Digital Voyeurism.

Как связаны между собой оптическая метафора «паноптикона», концепт «прозрачного общества» и новые медиа? Размышление на эту тему, *актуальность* которой представляется более чем самоочевидной, хотелось бы начать с тезиса о том, что в *переходе от «дисциплинарного общества»* (которое сформировалось в эпоху модерна и основано на принципе «надзирать и наказывать») к *«обществу контроля»* (о котором так долго мечтали постмодернисты как об обществе наблюдения и «свободно парящего контроля» – открытом, динамичном, в котором «волновой, орбитальный, постоянно пребывающий в сети» человек наделен даром ускользания от жестких диспозитивов власти и идеологии) едва ли не ключевую роль играют новые медиатехнологии. Более того, именно новые медиатехнологии и делают возможным сам этот переход: от дисциплины – к контролю, от общества «пространств заключения» – к обществу серфинга в подвижном пространстве открытых границ.

Обращение к понятиям «sociétés disciplinaires» и «sociétés de contrôle» Мишеля Фуко и Жюль Делеза [3; 6] в данном контексте – отнюдь не указание на то, что *интересующая нас проблема изучена в достаточной степени*, а всего лишь дань уважения традициям французских интеллектуалов. Вектор наших размышлений направлен к другой академической доксе, согласно которой вместо понятия «общество контроля» используется изящный концепт *«прозрачное общество»* (la société transparente), введенный итальянским мыслителем Джанни Ваттимо. Разумеется, понятия «общество контроля» и «прозрачное общество» по смыслу далеко не эквивалентны, но они во многом перекликаются: осуществлять контроль над кем-то или чем-то, в первую очередь, означает иметь доступ к информации о нем, а это, в свою очередь, означает, что подконтрольный должен быть прозрачным для контролирующего (так же, как и контролирующий должен быть прозрачен для подконтрольного). Так или иначе, прежде чем обсуждать ту или иную проблему, необходимо, как говорили древние, приступить к «исправлению имен», т. е. прояснению смысла используемых понятий.

Концепт «прозрачное общество» в качестве синонима состоянию постмодерна Ваттимо вводит с вопросительным знаком и определяет его как *«общество неограниченной коммуникации»*, или *«общество масс-медиа»* [1, с. 6, 27]. Следуя за мыслью Ваттимо, в наших рассуждениях о роли новых медиатехнологий в современном социуме под «прозрачным обществом» мы также будем понимать и то, что предполагает употребление этого понятия по умолчанию: это общество гражданское, открытое, основанное на идеях демократии, либерализма и защиты прав человека; это общество свободного доступа к информации и открытого обмена информацией – и *по горизонтали*, между различными субъектами (так коллеги «подглядывают» друг за другом в социальных сетях, узнавая не только о том, как те, к примеру, отреагировали на избрание президента США и что они думают о выходе Великобритании из Евросоюза, но и о том, какие книги читают их партнеры, какие фильмы они смотрят и в каких ресторанах обедают), и *по вертикали* – в любой властной иерархии (с одной стороны, подчиненный должен быть «прозрачен» для вышестоящего, открывая ему доступ к информации о том, где он бывает, с кем общается, какова его политическая позиция и т. д., но, с другой стороны, и любой человек может узнать не только о том, в каком отеле отдыхает его босс, как выглядит его жена и в какой школе учатся его дети, но и получить доступ к декларациям о доходах депутата, министра или президента: в «прозрачном обществе» вышестоящий должен быть открыт для подчиненных в той же мере, что и подчиненный – для вышестоящего). Более семи миллиардов людей во вселенском «паноптиконе», где все взаимопрозрачны и каждый может быть и наблюдаемым, и наблюдателем, – таков идеал мироустройства в «прозрачном обществе», пока недостижимый, а, возможно, и недостижимый в принципе.

Ключевую проблему наших размышлений можно сформулировать в виде вопроса: являются ли новые медиатехнологии инструментом построения «прозрачного общества» или, наоборот, они исполняют роль тормоза в саморазвертывании этого процесса? Другими

словами, *целью* наших размышлений является поиск ответа на вопрос, служат ли новые медиатехнологии катализатором перехода к «прозрачному обществу» или, напротив, они создают препятствие для этого перехода. На первый взгляд, ответ на вопрос представляется самим по себе разумеющимся позитивным утверждением: согласно логике здравого смысла, новые информационно-коммуникативные технологии (Интернет и мультимедиа) призваны способствовать становлению «прозрачного общества», а не препятствовать ему. Действительно, мы живем в эпоху онлайн-трансляций, стриминга, потокового аудио и видео, съемок и показов в режиме реального времени, когда привычным становится ощущение электронного всеприсутствия: не выходя из дома, мы можем «побывать» на футбольном матче в Бразилии, церемонии вручения Оскара, открытии новой выставки в MOMA, в зоне боевых действий на российско-украинской границе или на заседании Европарламента. Благодаря новым медиа мы обретаем возможность переживать «здесь и сейчас» то, что происходит «там и тогда». При этом тончайшая грань между виртуальным образом и реальным фактом иногда имеет свойство стираться в памяти и, возможно, спустя некоторое время мы уже не в состоянии будем в точности припомнить, присутствовали ли мы в том или ином месте или только смотрели онлайн-трансляцию с места события.

Феномены, именуемые «*телеприсутствием*» и «*интернет-присутствием*», создают иллюзию тотальной прозрачности мира. Но это всего лишь иллюзия, не так ли? *Audiat et altera pars*. Один вернувшийся с фронта солдат украинской армии в ответ на вопрос: «было ли на войне хоть что-то смешное?» ответил: «да, самое смешное – смотреть новости российских телеканалов, где правдивы только дата, к примеру 23 ноября, и место, к примеру село Трехизбенка, а все остальное – невероятная ложь». Медиа могут не только не помогать обществу становиться прозрачным, но и активно препятствовать этому. Нескончаемые потоки *медиа манипуляций, медиафантомов и медиафейков* – гигантский супермаркет субъективных, детерминированных идеологией, политическими пристрастиями или экономическим расчетом призм, через которые медиа предлагают современному человеку смотреть на мир. Не стоит забывать о том, что любой медиум – всего лишь «палец, указующий на луну, а не сама луна», как могли бы сказать восточные мудрецы. Или так: всего лишь «цикорий вместо кофе», как мог бы сказать Артур Шопенгауэр. Опосредуя процессы коммуникации, медиа служат искажающей линзой, вводя нас в обман, подменяя оригиналы копиями, которые обречены быть неточными, так как медиаоптика – это оптика иллюзии. И не столь

уж важно, что делают медиа с реальными фактами и событиями – приближают их или удаляют, преуменьшают или преувеличивают, затемняют ли делают более яркими – важно, что они неизбежно деформируют реальность, заменяя ее медиаобразами и медиатекстами (что Ваттимо именуется «*дереализацией реальности*»). И чем более правдоподобными оказываются эти цифровые следы реальности, тем более цинично они инвертируют старомодный принцип «быть, а не казаться», вынуждая современный мир «казаться, а не быть».

Сформулируем проблему в виде логической триады: 1) *тезис*: благодаря технологиям «*производства присутствия*» (здесь мы пользуемся емким выражением Ханса-Ульриха Гумбрехта [2]), новые медиа становятся своего рода волшебными помощниками построения «прозрачного общества»: до эпохи «дигитальной революции» такими уникальными техническими возможностями для осуществления идеала «транспарентности» не обладала ни одна культура; 2) *антитезис*: новые медиа становятся заклятыми врагами «прозрачного общества», являясь не более чем способом «*производства медиаэффекта присутствия*», тем более коварным, чем более реалистичными кажутся нам цифровые двойники реальности: создаваемые и транслируемые медиатехнологиями виртуальные следы и симулякры делают общество все менее и менее прозрачным; 3) *синтез*... Собственно, синтез остается под вопросом: и то, и другое; или ни то, ни другое; или ни не то, ни не другое. Интригующая игра в прозрачность превращается в лейтмотив медиапьесы с открытым финалом под названием «*The Medium is the Message*»: знаменитое маклюэновское «Медиум и есть само по себе сообщение». И все же, должно быть, правы мыслители, утверждающие, что это только кажется, что между полюсами противоположностей лежит золотая середина, а на самом деле между ними – проблема. В данном случае это проблема (не)прозрачности общества неограниченных коммуникаций, использующих новые информационно-коммуникативные технологии, проблема, которую условно можно назвать утопией «паноптикона».

Однако прежде чем очертить контуры проблемы утопии «паноптикона», необходимо совершить небольшой экскурс в теорию и практику новых медиа. С какими принципиально новыми открытиями связаны медиатехнологии эпохи «дигитальной революции»? Испанский медиатеоретик, автор академического бестселлера «Галактика Интернет» Мануэль Кастельс двумя великими открытиями информационной эпохи считает *мультимедиа и гипертекст* [4]. На этих двух столпах держится язык новых медиа, и в контексте наших размышлений о «прозрачном обществе» не обой-

тись без «вглядывания» в эти феномены. Как известно, сами понятия «мультимедиа» и «гипертекст» возникли не так уж давно. «Мультимедиа» – понятие, пущенное в оборот в 1966 году американским шоуменом Боббом Гольдштейном для обозначения технологии музыкальных представлений и впоследствии экстраполированное на технологии конвергенции различных форм представления информации (текста, аудио, неподвижных изображений, видео и графики). «Гипертекст» – понятие, которое в 1965 году было введено американским социологом Тедом Нельсоном для обозначения «текста, ветвящегося или выполняющего действия по запросу», а впоследствии значительно расширило свои семантические рамки, совершая экспансию в сферы философии, филологии, компьютерных технологий etc. и отсылая к любым нелинейным сетевым формам представления информации, разделенной на фрагменты, для каждого из которых указан переход к другим фрагментам с помощью системы гиперссылок [см., например: 15; 17].

Возможно, феномены мультимедиа и гипертекста содержат в себе ключи для разрешения проблемы «прозрачности» сообщений в информационном обмене. Обратимся к понятию «*мультимедиа*». Очевидно, что мультимедийные коммуникации создали принципиально новую медиаплатформу для построения «прозрачного общества», но ее роль в этом процессе двояка. С одной стороны, мультимедийный месседж, соединяя образ, текст и голос, дарует уникальную возможность иммерсии – погружения в виртуальную реальность и ее переживания как «реальной виртуальности», скрытой под медиальным покровом, и в этом смысле содействует «прозрачности» коммуникации (так, к примеру, общаясь по скайпу с другом, человек может одновременно видеть его лицо и слышать его голос, по малейшему подергиванию век или случайной интонации понимая, что он фальшивит, чего бы человек не понял, имея дело с разрозненными информационными кодами: фотографией, письмом или аудиозаписью). Визуализация текстов, интермедиаальный переход изображения и звука – уникальные средства усиления медиавоздействия, способные помочь снять дистанцию между адресатами и адресантами в процессе коммуникации, достичь идеала их взаимопрозрачности.

Но, с другой стороны, мультимедийные коммуникации, как правило, оперируют столь сложными и запутанными, многослойными сообщениями, закодированными различными способами и приходящими к человеку через различные перцептивные каналы, что смысл сообщения именно благодаря разрозненности сценариев «видения», «чтения» и «слышания» становится все менее и менее понятным,

все более и более «непрозрачным» (наиболее яркий пример затрудненной коммуникации в мире мультимедиа – так называемый феномен «аудиовизуального контрапункта», в котором смыслы того, что мы видим, и того, что мы слышим, оказываются чистыми оппозициями; так, например, фраза «мы живем в лучшем из возможных миров», произнесенная на фоне видео руин дома, в который попала бомба, способна ввергнуть человека в ситуацию когнитивного диссонанса, в котором «ухо» и «глаз» конфликтуют и смысл высказывания неизбежно теряет прозрачность). Не случайно американский теоретик языка новых медиа Лев Манович предпочитает именовать конвергентные месседжи «*гибридными*» [13]: мы никогда не можем быть уверенными в том, что сумели раскодировать закодированное мультимедийное сообщение, как минимум, в силу поливариантности путей и сценариев прочтения сообщений, приходящих через различные перцептивные каналы. Гибридный язык мультимедиа может работать с простыми и прозрачными для понимания кодами, но именно их взаимоналожение способно придавать сообщению противоречивость и затуманивать общий смысл, которому суждено оставаться непонятным – «непрозрачным».

В отношении к решению вопроса о (не) прозрачности сообщений в процессах коммуникации и становления (не)прозрачного общества феномен *гипертекста* также двойственен. С одной стороны, даже в самих дефинициях гипертекста обычно присутствуют словосочетания: «система, предоставляющая доступ к связанным между собой документам», «распределенная система, которая обеспечивает доступ к информации, расположенной на разных компьютерах» и т. д., что невольно отсылает нас к определениям «прозрачного общества», один из важных модусов которого состоит именно в предоставлении доступа к информации. И в самом деле, как нелинейный способ представления информации с помощью структурных и смысловых связей между электронными текстами и их фрагментами гипертекст облегчает поиск информации и ускоряет обмен ею, служит эффективным инструментом систематизации электронных архивов и каталогизации баз данных, обеспечивает наиболее оптимальные способы сохранения и передачи знаний, способствует достижению идеала открытости и доступности информации, служа столь же юзабельным, сколь и прочным медиафундаментом ментальной конструкции по имени «прозрачное общество».

Однако, с другой стороны, именно гипертекстуальность как форма организации текста, при которой его фрагменты представлены не в линейной последовательности, а как система гиперссылок на другие части данного

текста, на другие тексты и на объекты нетекстовой природы (звук, изображение, видео), иными словами, как система возможных переходов и связей между ними, служит едва ли преодолимым барьером для прозрачной коммуникации. Что есть гипертекст Всемирной Паутины WWW, если не типичный борхесовский «сад расходящихся тропок», «бесконечная книга», вселенский лабиринт изменчивых и подвижных знаний, в которых немудрено заблудиться? Как ни парадоксально, но получить связанное представление о предмете, которым мы интересуемся, в ситуации открытого доступа к информации в постгутенберговскую эру оказывается намного сложнее, чем в эпоху Гутенберга. Интернет способен предложить пользователю вместо одного концепта пучок взаимодействующих и исключающих друг друга концептов, вместо одного перевода – сотни конкурирующих переводов, вместо одной идеи – разрастающийся спектр «пролиферирующих идей», развивающих друг друга, друг в друге отзеркаливающих, друг к другу отсылающих, друг друга цитирующих и друг другу противоречащих.

Для того, чтобы раздобыть крупицу достоверного знания в огромном скоплении цифровых двойников и подобию, семантических шлейфов и субъективных интерпретаций, представленных в сети, приходится немало потрудиться на ниве фактчекинга и процедур верификации. Нередко приходится отсекал лишнее, не будучи уверенным в том, что именно отсеченное является лишним; отбирать одну из версий, не будучи уверенным, что именно отобранная наиболее аргументирована; пролагать тропу сквозь чащу разноречивых фактов и запутанных сведений, порой неточных или вовсе ошибочных, чаще всего не приближающих к искомому предмету интереса, а уводящих от него в сторону. Но что может быть дальше от идеала *la società trasparente*, чем гипертекст, который не только открывает доступ к знанию, но и запутывает следы, по которым его можно найти; не только предъясняет информацию, но и скрывает путь ее обретения, предлагая взамен него ветвящийся выбор множества путей?

Согласимся с Умберто Эко в том, что «гипертекст – это многомерная сеть, в которой любая точка здесь увязана с любой точкой где угодно» [7, с. 7], и любителя интернет-серфинга, который заходит в сеть с целью узнать, например, какой фильм идет в ближайшем кинотеатре, но, проведя несколько часов в непредсказуемых поворотах вектора поисков в стихийном интернет-браузинге по просторам ненужных знаний узнает много нового: о том, когда в его городе пройдет гражданский форум «Преодоление», какова цена стула для фортепиано, кто стал лауреатом Нобелевской

премии и сколько человек погибло во время теракта в Анкаре, но при этом так и не выяснит, какой же именно фильм идет в ближайшем кинотеатре, рано или поздно может охватить *фундаментальное эпистемологическое беспокорство*, связанное и с тем, что гипертекст, в отличие от книги, невозможно прочесть до конца; и с тем, что знание, доступное в сети, бесконечно и несоизмеримо с твоей возможностью его охватить и зафиксировать; и с тем, что картины мира и образы социума, даруемые гипертекстом, множественны и противоречивы; и с тем, что факты, с которыми встречаемся в сети, окружены ореолом конфликтующих трактовок; и с тем, что знания, открываемые перед нами сетью, отрывочны, разорваны и фрагментарны; и с тем, что любая коммуникация, основанная на гипертекстуальности, имеет дело не со стройными рациональными конструкциями знания, а с ризомой многочисленных ментальных напластований, любая выборка из которых неизбежно субъективна; и с тем, что в ветвящихся нелинейных нарративах любой избранный тобою сценарий «гипертчтения» отсекает альтернативные ветви и обретенный в итоге смысл оказывается не более чем комбинаторикой случайных и хаотичных меседжей; и с тем, что, в конечном счете, каждый способен получить от гипертекста разве что «как от зеркала, столько, сколько в него вложит» – именно так предлагал читать свой «Хазарский словарь» Милорад Павич [5, с. 10]. Информация, структурированная в соответствии с правилами игр *релятивизированной истины*, затерявшейся в лабиринтоподобных топосах гипертекстуальности, напоминают, скорее, груды зеркальных обломков сознания расколотого «я», чем прозрачные стекла непредвзятого и объективного медиума, сквозь которые коммуниканты призваны беспрепятственно обмениваться друг с другом циркулирующими меседжами в *la società trasparente*.

Возможно, главная преграда для становления «прозрачного общества» – вовсе не отсутствие свободного доступа к необходимой информации, а, напротив, ее ужасающая доступность, ее избыточное присутствие, ее пугающая чрезмерность, ее лавинообразное возрастание и усложнение самих способов структурирования информации, часто недостоверной и нуждающейся в трудоемких процедурах отбора, детальной проверки и тщательной коррекции. Проще говоря, «прозрачному обществу» угрожает не нехватка информации, а ее излишек. Достаточно привести несколько впечатляющих цифр из области «дигитальной нумерологии». Так, по словам программиста компании Google Books Леонида Тэйхера, сегодня каталогизированы, отсканированы и выложены в Интернете 129 864 880 книг, и это число постоянно обновляется [11]. Более

миллиона картин из 1000 лидирующих музеев мира представлены в виртуальной галерее только одного из цифровых артпроектов, выполненных Google Cultural Institute [10]. Согласно подсчетам Файсала Хана, для того, чтобы прочесть только лишь англоязычный контент Интернета (в этой калькуляции не учитывались аудиовизуальный контент и тексты, опубликованные в социальных медиа) человеку понадобилось бы 226 532 года при скорости чтения в 250 слов в минуту, а для того, чтобы посмотреть все выставленные в сети видео (в формате UltraHD размером 8 зеттабайт), потребовалось бы 30 441 400 лет [12]. Согласно некоторым калькуляциям, в 2009 году объем данных, хранящихся в Интернете, приблизился к отметке 500 эксабайтов (500 миллиардов гигабайтов), за 2010–2011 годы человечество произвело около 1,8 зеттабайт, а в 2016 году Интернет «весит» не меньше 2 зеттабайтов (2 триллиона гигабайтов). Поскольку объем хранящейся в Интернете информации удваивается приблизительно каждые полтора года, то несложно посчитать, что к 2040 году его объем составит примерно 116 йоттабайтов (116 квадриллионов гигабайтов). Большая часть информации в сети открыта и доступна, но становится ли современное общество благодаря этому более прозрачным? Вряд ли.

Чем больше информации в сети, тем менее «прозрачной» для понимания она становится. Ряды гигантских цифр «дигитальной нумерологии» можно было бы множить *ad infinitum*, но достаточно и вышеперечисленных, чтобы убедиться в том, что система знаний современного человека – всего лишь капля в океане знаний, не более чем вырезанная индивидуальными «ножницами сознания» крохотная территория персонального информационного выбора. Емкость памяти человеческого мозга – всего-то петабайт (в такой объем оценивается весь Интернет в 2002 году), что несоизмеримо с современными и, тем более, грядущими объемами вселенской памяти человечества. Думается, не ошибкой было бы утверждать, что два великих открытия информационной эпохи – мультимедиа и гипертекст – позволили реализовать начертанный еще в 1945 году в эссе «Как мы можем мыслить» проект *искусственной «машины памяти»* («Мемекса»), автором которого был один из пророков Интернета, американский изобретатель Вэнивар Буш [9; 16].

Всемирная Паутина как искусственная «машина памяти» начала XXI века *донельзя перегружена, захламлена, загромождена*. «Мемекс» стал не коллективной памятью, а, скорее, натурализованной метафорой коллективного бессознательного – бездонного вместилища вытесненных воспоминаний многотысячелетней человеческой культуры. И не вина,

а беда информационного общества – дезинтеграция человека в необъятном космическом ландшафте ненужной ему информации, мимо которой он, как правило, проходит так же, как Сократ мимо торговцев афинского рынка, со словами: «Как же много на свете вещей, без которых можно обойтись!». Когда стихов становится слишком много, их перестают читать. Когда живописных шедевров становится слишком много, ими перестают любоваться. Когда фильмов становится слишком много, их перестают смотреть. Когда музыки становится слишком много, ее перестают слушать. Когда знаний становится слишком много, они теряют ценность. *Et cetera, et cetera*. И именно поэтому информационный мир становится все более сложным, калейдоскопичным, запутанным и «непрозрачным»: опасности и риски в построении *la societ transparente* связаны не только с лакунами в системах информации, но и с невозможностью уложить ее излишки в рамках однозначных и логичных схем, непротиворечивых и «прозрачных» для понимания моделей. Такова еще одна грань в понимании проблемы утопии «паноптикона», к рефлексии над которой самое время обратиться.

Общество, основанное на идее тотальной открытости и свободы доступа к информации, с известной долей условности можно назвать социальным «паноптиконом», не забывая о том, что это метафора не только оптическая, но и ментальная, ибо отсылает не только к «зрению», но и к «умозрению», не только к «видению», но и к «ведению». Как известно, метафора «паноптикума», или буквально «всевидения» (латинизированная форма древнегреческого «паноптикона»: от $\pi\acute{\alpha}\nu$ – все и $\acute{\omicron}\pi\tau\acute{\iota}\kappa\acute{o}\varsigma$ – зрительный), приобрела известность не только благодаря проекту тюрьмы «Паноптикум, или Дом инспекции», предложенному в 1791 году английским философом Иеремией Бентамом в качестве цилиндрического строения со стеклянными перегородками, где надзиратель, оставаясь невидимым, может наблюдать за заключенными, но и благодаря работе «Надзирать и наказывать» Мишеля Фуко [6], где бентамовская метафора «паноптикума» послужила основой концепции доминирующих в обществе способов нормирования знания – «дисциплины знания», «дисциплинарных техник» и «диспозитивов» власти, производящей знания.

Разумеется, в отличие от дисциплинарного общества, метафорой которого служил бентамовский «паноптикум» (заметим, что для богословов это не более чем профанизированный символ *Всевидающего Ока*), умозрительная архитектоника «прозрачного общества» подчиняется иным законам. Его идеал отменяет и метафизическую асимметрию, и социальную иерархию: здесь каждый член общества – и

стражник, и заключенный; и надзиратель, и надзираемый; и видящий, и видимый; или, в переносном смысле, – и получающий знание о других, и открывающий другим знание о себе; и приобретающий информацию, и предоставляющий ее. Отчасти социальный паноптикон постгутенберговской эры можно назвать миром всеобщего цифрового вуайеризма, когда ты невольно можешь подглядывать за всеми, но в то же самое время и все могут подглядывать за тобой (например, в социальных медиа). Удалось ли благодаря цифровым технологиям достичь идеала абсолютной прозрачности в построении социального паноптикона? Является он сегодня желаемым или действительным состоянием социума? Или и нежелаемым, и недействительным?

Подобными вопросами около трех десятков лет тому назад, у самых истоков цифровой эры задавался Джанни Ваттимо, которого принято считать апологетом «прозрачного общества», хотя последнее не совсем корректно. Ваттимо – и не апологет, и не критик, скорее – мыслитель, поставивший «прозрачное общество» под вопрос. В буквальном смысле этого слова: понятие «прозрачное общество» в книге Ваттимо вводится с вопросительным знаком. Достаточно привести следующие утверждения итальянского мыслителя, в наиболее сжатой, афористичной манере раскрывающие его концепцию: «*Масс-медиа* характеризуют общество не как общество более «прозрачное», больше осознающее себя, более «просвещенное», но как общество более сложное, даже хаотичное» [1, с. 6], «высвобождение многих культур и многих *Weltanschauungen*, сделавшееся возможным благодаря *масс-медиа*, опровергает сам идеал прозрачного общества» [1, с. 12]. Масс-медиа, которые теоретически делают возможным получение информации обо всем происходящем в мире в режиме реального времени, автор манифеста «Прозрачное общество» сравнивает с реализацией гегелевского Абсолютного Духа, т. е. самосознания всего человечества, однако всей своей книгой Ваттимо доказывает, что идеал Гегеля остается недостижимым.

Так, еще в 1989 году сама возможность существования «прозрачного общества» поставлена под сомнение. Увы, есть достаточно оснований предполагать, что с тех пор в оценке шансов жизнеспособности идеи социального паноптикона у теоретиков новых медиа скепсис ничуть не поубавилось. С этой точки зрения симптоматично, что в начале XXI века в противовес технократическим одам и панегирикам в адрес современных информационно-коммуникативных технологий, благодаря которым мы способны с помощью скрытых камер наблюдения создавать электронные двойники и копии каждого шага жизни человека, отслеживать

точную геолокацию всех его перемещений и траектории всех его банковских операций, сохранять цифровые копии всех входящих и исходящих сообщений в мобильном телефоне и при желании составить реестр всех посланий его электронной почты, записей личных сообщений и постов в социальных сетях, а также всех голосовых сообщений и бесед (в этом смысле наиболее показательным исследованием Гордона Белла и Джима Геммелла с предисловием Билла Гейтса «Вспомнить все: как цифровая революция памяти изменит мир» [8]), возникают все более совершенные и все более изощренные технологии защиты персональных данных в Интернете с помощью сложной системы индивидуальных кодов, паролей и шифров.

Самая важная клавиша – «Delete», утверждает специалист в области информационной безопасности и защиты данных Виктор Майер-Шенбергер в работе «Удалить: преимущества забывания в цифровую эпоху» [14], призывая каждого интернет-пользователя быть осмотрительным и скрывать персональную информацию от посторонних. Ибо приватная информация, будучи оторванной от человека, потерявшего над ней контроль, может нанести вред. Случайная нежелательная фотография может разрушить семью или лишить человека должности. Неосмотрительно опубликованное в сети видео может быть перемонтировано, переозвучено и выступить в качестве обвинительного акта или лжесвидетельства. Выставленный в сети текст может быть фрагментирован и вставлен в сомнительный контекст, нанеся урон репутации автора. «Прозрачность» для любого человека, а в особенности для человека с криминальным прошлым, равносильна состоянию абсолютной незащитности, и любая компрометирующая информация, до которой не добралась спасительная клавиша «Delete», несет в себе потенциальную угрозу. Не потому ли целый сектор IT-индустрии усердно работает над разработками технологии защиты информации, пытаясь избавить человека от ужасной перспективы цифрового паноптизма?

Резистанс! Жить в «паноптиконе» невыносимо. На протяжении тысячелетий человек стремился защитить себя от абсолютной прозрачности перед Всевидящим Оком Бога. Во времена Бенгта место Бога занял стражник тюрьмы. А что сегодня? Вместо стражника – миллиарды таких же, как ты, заключенных? Вместо заключенного – миллиарды таких же, как ты, стражников? Но нужны ли мы кому-то? Интересны ли? Есть ли в нас то, что нам имеет смысл скрывать? Есть ли в нас то, что стоит открывать для публичного просмотра? При желании с помощью новых медиатехнологий можно узнать о человеке если не все, то очень многое, но кому все это нужно, кроме разведслужб и полиции? Кому интересны все эти банальные

мыслишки и скучные секреты, мелкие измены, темные махинации, нелепые поступки, комичные провалы и грешки, которые более чем семь миллиардов «я» считает своими сокровенными тайнами и которые мечтает спрятать от других, всячески противясь становлению «прозрачного общества»? Новые медиатехнологии позволяют сделать человека «прозрачным», но остается открытым вопрос, какова мотивация и телеология самой прозрачности.

Итак, новые медиа немало поспособствовали тому, что современный человек, доходя до крайностей интеллектуального, политического и телесного эксгибиционизма, оказался способным растабулировать запретные зоны и секретные территории, сделать явным то, что веками скрывалось под покровом тайны, и сместить границу между приватным и публичным, сделав ее почти неуловимой. И что же? Парадоксально, но факт: в самом эпицентре эпохи изобретения и стремительного развития разнообразного цифрового инструментария фото-, аудио- и видеофиксации, репостов и копипэйстинга, систем видеонаблюдения и GPS-навигаторов,

совершенной техники, позволяющей создавать электронные двойники реальности и с их помощью делать человека открытым для социума, возникают мощные очаги сопротивления, именуемые системами информационной безопасности и защиты данных, блокирующие попытки сделать общество максимально «прозрачным». Похоже, человек изо всех сил пытается сберечь свое цифровое «прайвеси» в этой извечной игре информационной открытости/закрытости и мечтает о том, чтобы «паноптикон» был построен не из прозрачных стеклянных перегородок, а из зеркал. Пусть кривых, но зеркал, или искажающих линз – именно таков мир медиаиллюзий. Что ж, остается согласиться с тем, что современный мир, как и сотни, и тысячи лет тому назад, живет между полюсами противоположностей: жаждой открытости и страхом обнажения, страстью к прозрачности и ненавистью к ней, и идеал «прозрачного общества» по-прежнему недостижим, и вселенский «паноптикон», так же, как и во времена Бентама, и во времена Фуко, сегодня по-прежнему остается утопией.

Литература

1. Ваттимо Дж. Прозрачное общество / Джанни Ваттимо ; пер. с ит. Д. Новикова. — М. : Логос, 2002. — 128 с.
2. Гумбрехт Х. У. Производство присутствия : чего не может передать значение / Ханс Ульрих Гумбрехт ; пер. с англ. С. Зенкина. — М. : Новое литературное обозрение, 2006. — 184 с.
3. Делез Ж. Переговоры / Жиль Делез ; пер. с фр. В. Ю. Быстрова. — СПб. : Наука, 2004. — 234 с.
4. Кастельс М. Мультимедиа и Интернет : гипертекст после конвергенции // Кастельс М. Галактика Интернет : Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Мануэль Кастельс ; пер. с англ. А. Матвеева под ред. В. Харитоновой. — Екатеринбург : У -Фактория, 2004. — С. 220–241.
5. Павич М. Хазарский словарь : роман-лексикон в 100 000 слов. Мужская версия / Милорад Павич ; пер. с сербск. Л. Савельевой. — СПб. : Азбука-классика ; Terra, 2016. — 352 с.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать : Рождение тюрьмы / Мишель Фуко ; пер. с фр. В. Наумова. — М. : Ad Marginem, 1999. — 477 с.
7. Эко У. От Интернета к Гутенбергу : текст и гипертекст : публичн. лекц. на эконо. ф-те МГУ 20 мая 1998 года / Умберто Эко ; пер. с ит. Е. Костюкович // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 4. — С. 5–14.
8. Bell G. Total Recall : How the E-Memory Revolution Will Change Everything / Gordon Bell, Jim Gemmell. — Boston, MA : Dutton Adult, 2009. — 304 p.
9. Bush V. As We May Think [Electronic resource] / Vannevar Bush // Atlantic Monthly. — 1945. — July. — P. 101–108. — Access mode : <http://www.theatlantic.com/doc/194507/bush>.
10. Explore Collections From Around The World With Google Arts & Culture, Created By Google Cultural Institute [Electronic resource]. — Access mode : <https://www.google.com/culturalinstitute/about/>.
11. Jackson J. Google : 129 Million Different Books Have Been Published [Electronic resource] / J. Jackson. — Access mode : http://www.pcworld.com/article/202803/google_129_million_different_books_have_been_published.html.
12. Khan F. How much time would you need to view / read all the content on the Internet? [Electronic resource] / F. Khan. — Access mode : <https://www.quora.com/How-much-time-would-you-need-to-view-read-all-the-content-on-the-Internet>.
13. Manovich L. The Language of New Media / Lev Manovich. — Cambridge, MA : MIT Press, 2002. — 394 p. — (Leonardo Books).
14. Mayer-Sch nberger V. Delete : The Virtue of Forgetting in the Digital Age. — Princeton, NJ : Princeton University Press, 2009. — 256 p.
15. Nielsen J. Multimedia and Hypertext : The Internet and Beyond / Jakob Nielsen. — San Francisco : Morgan Kaufmann (originally published by AP Professional, Boston, MA), 1995. — 480 p. — (Interactive Technologies).
16. Nyce J. M., Kahn P. From Memex to Hypertext : Vannevar Bush and the Mind's Machine / James M. Nyce, Paul Kahn. — Boston, MA : Academic Press, 1991. — 367 p.
17. Vandendorpe Ch. From Papyrus to Hypertext : Toward the Universal Digital Library / Christian Vandendorpe. — Champaign, Illinois : University of Illinois Press, 2009. — 208 p. — (Topics in the Digital Humanities).